

УДК 94(94)"1901/1945"

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-112-129

ТАК СОЗДАВАЛАСЬ ЛЕГЕНДА АНЗАК: УТРО 25 АПРЕЛЯ 1915 ГОДА

Михайлов В. В.

*Государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: batukom@mail.ru*

Проанализированы первые боевые действия Австралийско-Новозеландского армейского корпуса. Показаны мероприятия по обеспечению внезапности десанта, отвлекающий маневр флота в бухте Сарос, высадка утром 25 апреля 1915 года трех эшелонов десанта на пляжах Анзак Коув и Норт Бич, причины быстрых успехов и последующих неудач десантников. Анализируются причины слабого взаимодействия соединений десанта, отсутствия артиллерийской поддержки, задержки в высадке третьего эшелона и прибытии подкрепления на передние участки продвижения войск. Также показаны действия турецкого офицера, отвечавшего за оборону участка высадки АНЗАК – полковника Мустафы Кемалья, проявившего решительность и не позволившего отступить защитникам Галлиполи под ударами превосходящих сил австралийских и новозеландских войск. В статье использованы архивные материалы Австралийского Военного Мемориала и английских архивов, дневниковые записи и письма австралийцев и новозеландцев, российские и зарубежные исследования, посвященные начальному этапу Галлиполийской операции.

Ключевые слова: Австралийские Имперские Силы (АИС), Австралийско-Новозеландский армейский корпус (АНЗАК), Первая мировая война, Галлиполийская операция, Мустафа Кемаль, Австралийский Военный Мемориал, День АНЗАК.

В результате «действий одним только флотом англо-французские войска потерпели первое крупное поражение в Дарданелльской операции» [1, с. 199]. Английский генерал Ян Гамильтон, командующий десантом, прибывший на восточный флот 17 марта 1915 г., сообщил 19 марта военному министру фельдмаршалу лорду Г. Китченеру, что он склоняется к заключению, что «Дарданеллы гораздо сложнее преодолеть морскими силами, чем всё это время казалось» [2, р. 164]. Адмирал де Робек, отвечавший за морскую часть десанта, в отчете дарданелльской комиссии говорил: «Все были за то, чтобы проводить совместную операцию [войсками и флотом], но нам приказали бомбардировать форты, что мы и делали» [3, р. 36-37]. Китченер незамедлительно отвечал: «Если армия необходима, чтобы очистить путь [флоту], она будет» [4, р. 12]. «Турки довольно скоро узнали о намечающейся переброске войск. Уже к 25 марта главная турецкая квартира имела сведения, что британо-французские войска предпримут совместную операцию армии и флота» [5, с. 157].

В начале 1915 года в составе Австралийско-Новозеландского армейского корпуса (АНЗАК), составлявшего половину войск галлиполийского десанта, было

немного офицеров и солдат, которые хоть что-то знали о турецких войнах, тем более, кому случалось видеть их живьем. Тем не менее, один из таких людей заслуживает упоминания. Командующий медицинской службой 1-й Австралийской дивизии, военный хирург, подполковник Чарльз Райн, родился в штате Виктория в 1853 году. В 1915 ему было 62 года. Однако у этого медика была бурная молодость: в годы русско-турецкой войны 1877–78 гг. он служил в войсках Османской империи и участвовал в знаменитой обороне Плевны. Русские войска взяли Плевну, но такой ценой, что турки заставили себя уважать даже врагов. Австралийцы звали хирурга «Чарли-турок», и у него было множество османских наград и знаков отличий, некоторые из которых он носил и на австралийском мундире. Подполковник, когда его вызвали для дачи показаний в Дарданелльскую комиссию в 1917 году, так выразил свое отношение к турецким солдатам: «У меня сложились очень высокое мнение о боевых возможностях турецких солдат, особенно в окопной войне» [6]. Накануне десанта Райн сказал другу, что армия Гамильтона ввязывается в самое опасное предприятие в истории войн [7, р. 63].

Однако в целом среди штабных офицеров британского десанта царил воодушевление, которое портили лишь неприглядные условия быта. К апрелю было известно, что турецкая Кавказская армия потерпела зимой сокрушительное поражение от русской армии и лишилась более двух третей личного состава. Попытки захватить крупными силами Суэц были отбиты довольно легко и с малыми потерями. Это расхолаживало как штабных офицеров, так и некоторых солдат Гамильтона и Бёрдвуда, заставляя предполагать, что десанту предстоит лишь веселая прогулка в Константинополь. 11 апреля капитан Х. Дж. Картер, инженер 1-го батальона АНЗАК, прошел на вдоль берега на тральщике «Минневаска», наметив начало маршрута на Константинополь. «Это будет трудно, но занимательно», – записал он себе в блокнот [8].

Однако не все были заражены оптимизмом. Капитан Джон Корбин офицер медслужбы 1-го Австралийского стационарного госпиталя, узнав о месте высадки АНЗАКа, воскликнул: «Но ведь мы будем под артиллерийским огнем весь путь от лодок до пляжа... Это чрезвычайно опасная работенка, и вовсе не то, что мы ожидали» [9]. «Я молюсь Богу, – писал сигнальщик Эллис Лючиано Силас, – что не понадобится Ему, когда мы будем под огнем» [10]. Томас Блэйми писал своей матери: «удручает то, что турки всегда любили англичан, и, если говорить в целом, они нам тоже всегда нравились... и все же мы выбьем их из Европы» [11].

Командование австралийско-новозеландского корпуса тоже не очень оптимистично смотрело на перспективы планируемой операции. Генерал Бёрдвуд с самого начала кампании говорил, что запереть десант на полуострове с узким перешейком – дело малоперспективное. Он полагал, что большего успеха можно было бы добиться, высадившись на азиатском берегу или на самом перешейке, заперев в Галлиполи находящихся там турок. «Планом же Гамильтона Бёрдвуду предписывалось высадиться с группой АНЗАК выше примерно в четырнадцати милях между Габа-Тепе и Фишемен-Хат. Наноса удар поперек полуострова через высоты Сари Баир, он должен был дойти до Мал-Тепе – горы, на которой согласно

легенде сидел Ксеркс, наблюдая за своим флотом в Геллеспонте – и далее идти на встречу с 29-й дивизией и французами в южном направлении» [12, с. 191].

Получив 21 апреля боевые задания, Бёрдвуд сразу же отметил уязвимость своей позиции. Она хорошо просматривалась и могла обстреливаться артиллерией как с северных высот Сари Баира и трех примыкающим к ним протяженных хребтов, так и с юга – с Габа Тепе. Поэтому он полагал, что для того, чтобы обезопасить свой левый фланг, требуется очистить эти пересеченные территории от турок как можно скорее. Но это, несомненно, затянуло бы наступление по главному направлению. По этой причине Генеральный штаб не считал нужным ознакомить Бёрдвуда с отчетом штабного офицера Эспиналь-Огландера, который как раз делал акцент на необходимости овладения Сари Баиром и высотами севернее этого хребта.

Некоторые штабные офицеры Бёрдвуда разделяли опасения своего командира. Бригадный генерал Канлифф-Оуэн, командующий артиллерией АНЗАК, 15 апреля уже знал, что турки имеют большое количество орудий в районах будущей высадки, а также, что ими оборудованы позиции размещения артиллерии в нескольких линиях. Он сообщил данные разведок Бёрдвуду, что еще более обеспокоило генерала артиллерийской проблемой. Бёрдвуд полагал, что только с помощью флота подавить сопротивление артиллерии турок не удастся, и что необходимо как можно скорее осуществить выгрузку артиллерии корпуса и пустить ее в дело. Пессимистически был настроен и командир 2-й пехотной бригады Джеймс МакКей, а командир 3-й бригады Синклер МакЛэган, давая приказ к началу высадки, предупреждал солдат, что возможно придется высаживаться под огнем вражеской артиллерии, но воодушевил свои войска словами, что потери не должны их останавливать, и следует, ступив «на твердую землю, биться за нее до последнего человека» [13, р. 67].

Другая проблема состояла в том, что морские и армейские штабы использовали разные карты, причем и те, и другие, были не точными. Флотское руководство и лично адмирал де Робек пытались решить эту проблему, но отсутствие общего штаба делало это невозможным. Только через неделю после высадки десанта, когда все возможные ошибки были совершены и путаница, как с местом высадки, так и с невозможностью ориентироваться на местности по упрощенным картам, испортила все, что можно было испортить, де Робек сообщал в Адмиралтейство Черчиллю: «Наши морские карты не дают должного представления о территории севернее этой позиции (АНЗАК), к тому же профиль местности указан неадекватно... полагаем, что необходимо запросить по этому вопросу Военный Совет, пока же я не имею необходимой связи со штаб-квартирой Армии, а диспозиции, которые я посылаю и принимаю, не всегда можно скоординировать» [13, р. 68].

Тем временем на Мудросе продолжались учения, еще более упорные, чем в Египте. Марши прекратились, но многочасовые тренировки высадок и окапывания по-настоящему изнуляли анзаковцев. На Лемнос подходили все новые транспорты с войсками из Египта. Их встречали криками приветствия те, кто находились здесь уже неделю или две. С берега новичкам кричали: «Вы трусите?!», в ответ на что с бортов им отвечали «Нет!». «Мы победим?!» – снова спрашивали с берега. «Да!» –

слышался клич с кораблей. При виде такого множества кораблей всем, кроме немногих скептиков, казалось, что этот флот и эта армия не могут не победить. Все будущие десантники были в восторге, когда матросы писали каракулями на бортах своих транспортов: «Турецкое сладкое мясо!», «На Константинополь и на гаремы!» [12, с. 200].

22 апреля Гамильтон встретился с представителями Греции и российским военным атташе в Афинах Макалинским. Макалинский сообщил генералу, что русские войска в полной готовности и хорошем боевом состоянии готовы к десантированию, как только Галлиполи будет взят, и Флот пройдет Проливы. «Эта задержка нервирует меня» – записал в дневнике Гамильтон. Тем не менее, капитан Коддан был назначен связным офицером между штабом экспедиции и «русскими генерала Истомина» [14, р. 121]. В тот же день главнокомандующий получил послание от Его Величества короля Британской империи: «Король желает Вам и Армии успехов, Его Величество не устает думать о вас и молиться за вас» [14, рр. 121–122]. Утром 23 апреля свое послание руководству десанта с уверенностью в том, что «мужество и мастерство приведет к триумфу союзных армий» прислал Китченер. Гамильтон льстиво отметил в дневнике: «Мы думаем о Лорде К[итченере] Хорошо бы его тень пала на германцев и наполнила страхом смерти их сердца!» [14, р. 123].

И вот час решающий настал.

24 апреля солдаты заняли свои места на кораблях, где капелланы провели впечатляющие службы, оставившие воспоминания в сердцах многих анзаковцев. Потом солдатам дали горячий ужин с вином. Как пишет официальный военный корреспондент, приписанный к десанту, Эшмед-Бартлетт, «все были необыкновенно дружелюбны, вино ходило по кругу, никто не решался сказать ни слова о том, что принесет им рассвет. Казалось, над войсками пролетел темный ангел смерти. После этого предвестия трагедии наши друзья из Доминионов смогли немного поспать» [15, р. 45].

Поздно ночью 24 апреля генерал Гамильтон не спал.

В эту ночь он записал в дневник свою молитву, последнюю перед началом десанта:

«Господь Всемогущий, Страж Млечного Пути и Пастырь Золотых Звезд, помилуй нас... Да исполнится Воля Твоя. Вперед, любой ценой – Вперед!» [14, р. 125].

Турки тоже готовились к решающим битвам. 17 апреля за 7 дней до своей смерти в районе высадки АНЗАК солдат 57-го полка 19-й дивизии Хасан Этем написал письмо родным, которое сохранила его мать:

«Аллах! Все, чего хотят наши преданные Тебе солдаты, это, чтобы англичане и французы слышали Твое имя. Прошу, прими это желание и сделай наши штыки острее, чтобы мы смогли уничтожить врага!.. Ты уже поверг в прах многих врагов, сделай это еще раз». Так я молился, после чего встал с колен. Не было никого в мире счастливее, чем я, в этот момент» [16, р. 6].

Однако прежде, чем начать описание высадки АНЗАКа на не предназначенный для этого мыс Ари Бурну (Анзак Коув), с выдающейся в море скалой, получившей название Адский выступ, не дающей возможности двигаться вдоль берега на юг, следует описать эпизод в бухте Бесика, на линии Булаира, к которому имеет прямое отношение один выдающийся представитель новозеландского народа.

Удивительно, но Галлиполийская экспедиция, столь фатально неудачная, обескураживающая поистине титаническими ошибками в планировании и проведении операции столь крупного масштаба, оказалась столь же богата на факты индивидуального героизма, мужества, свершений сверхчеловеческого масштаба. Можно привести в пример турецкого сержанта Сейита, зарядившего вручную и в одиночку 275-килограммовый снаряд берегового орудия, потопивший 18 марта 1915 г. британский дредноут [17, pp. 51–52]. История новозеландского пловца Фрейберга – из того же ряда явлений, которые заставляют вспомнить времена, когда героев считали сынами богов.

В ночь перед высадкой был произведен отвлекающий артиллерийский обстрел Булаирской линии. Обстрел производили корабли «Дартмур» и «Дорис». Далее произошло событие, надолго оставшееся в памяти очевидцев. Было решено высадить небольшую десантную группу на виду турецких позиций на Булаире и произвести впечатление массовой высадки. Однако два добровольца вызвались сделать это в одиночку, чтобы не подвергать опасности жизни своих товарищей. Первым был Артур Асквит, сын премьер-министра Англии и будущий режиссер фильма, посвященного Галлиполи. Однако жребий выпал второму добровольцу – Бернарду Фрейбергу, чья судьба не менее достойна описания, чем жизнь сына британского премьера.

Уроженец далеких южных островов, в 1906 и 1910 году Фрейберг был чемпионом Новой Зеландии по плаванию. Во время Мексиканской революции он служил наемником у вождя крестьянского восстания и защитника бедных Панчо Вильи, прототипа знаменитого киногероя Зорро. В Мексике Фрейберг узнал о начале Мировой войны. Он дезертировал из армии Вильи и, пройдя триста миль по выжженной пустыне, добрался на судне до Лондона. Здесь он поступил добровольцем в армию и был отправлен в Египет. В экспедиционном корпусе Фрейберг вошел в состав Морской дивизии генерала Пэриса, где встретился и подружился с другой легендой Галлиполи – поэтом Рупертом Бруком, чью смерть 23 апреля он тяжело переживал, вместе со всей Англией.

Хотя для целей демонстрации был подготовлен специальный плот, Фрейберг решил добраться до берега вплавь, чтобы свести риск быть обнаруженным к минимуму. Его обмазали темным жиром, в целях предохранения от переохлаждения и маскировки, он взял связку зажигательных снарядов, сигнальные лампы, нож и револьвер. Эсминец стоял на якоре в пяти километрах от берега, а катер с командой приблизился к берегу на две мили, когда Фрейберг начал свой небывалый заплыв. Через час с небольшим на корабле увидели первую вспышку огня. Это Фрейберг, выйдя на берег, обнаружил за пляжем турецкую траншею с пикетом, в которой

турки курили и переговаривались. Он отполз к берегу и зажег первую ракету, которая должна была обозначать начало обстрела [18, р. 66].

Обнаружив, что турки находятся в состоянии шока и беспорядочно стреляют, не вылезая из окопов, Фрейберг «проплыл еще триста метров на восток. Снова выйдя на берег, он послал еще одну ракету и пополз в кусты, чтобы подождать развития событий. Но ничего не произошло. Он проник в турецкие окопы, но, не найдя там никого, вернулся на берег и зажег третью ракету. У Фрейберга были самые мизерные шансы на то, что его подберут свои в необъятном просторе черной воды, и к тому же его сводило судорогой. Но еще более он содрогался от мысли попасть в плен, и он вернулся назад в море, и он поплыл в темноту. Он не утонул. Когда пловец был в полумиле от берега, команда катера разглядела в волнах смазанное маслом коричневое тело. Его подняли на борт и вернули к жизни» [12, сс. 213–214]. Тем временем, с миноносца открыли огонь по обнаружившим себя турецким прибрежным постам. Ночная перестрелка продолжалась около часа, пока катер с пловцом не вернулись обратно. За этот подвиг Фрейберг был удостоен второй по значимости после Креста Виктории военного ордена [18, р. 66].

Фрейберг выжил в Галлиполийской мясорубке. Он сделал головокружительную карьеру, став в 1917 году самым молодым генералом Британской империи в Первой мировой войне. Позже Фрейберг занимал должность генерал-губернатора Новой Зеландии, а также внес свой вклад в победу над Германией и Японией во второй мировой войне, участвуя в качестве командира Второй Новозеландской дивизии в боях за Грецию, и в Африке, в битве при Эль Аламейне. В 1952 году юная королева Великобритании возвела Бернарда Фрейберга в рыцарское звание.

Неповторимый заплыв новозеландца смутил не только убежавших от испуга турецких солдат в траншеях. Лимана фон Сандерса подняли ночью с постели и сообщили об атаке на Булаир. Он немедленно дал приказ своим войскам выступать на север, и утром сам командующий был на высотах около бухты Сарос, когда увидел своими глазами корабли британцев, бомбардирующие берег. Так десанты на АНЗАКе и Хеллесе избавились от необходимости противостоять двум дивизиям, которые Сандерс держал в этом районе. Он направил их к местам настоящих высадок только спустя три дня. Факт удивительный, но один человек смог на три дня удержать от боя двадцать пять тысяч!

Пока Фрейберг устраивал фейерверки ввиду Булаира и пугал Лимана фон Сандерса, из Мудроса вышли транспорты, везущие к Габа Тепе первую группу десанта. Эта группа, основу которой составляла 3-я бригада АНЗАК под командованием полковника Синклера МакЛэгана, должна была захватить высоты хребтов на левом фланге и обеспечить безопасность высадки основных сил корпуса и их продвижение к Мэйдосу.

МакЛэган был опытным и умелым офицером, специалистом, назначенным Бриджесом в военном училище в Дантруне на должность «профессора военных искусств» [19, р. 109]. Незадолго до высадки МакЛэган осмотрел береговую линию с борта военного корабля, а также у него были данные воздушной разведки. Однако карты, имеющиеся в его распоряжении и которыми он мог снабдить батальонных и

ротных офицеров, были очень не точными и не давали указания даже на самые принципиальные топографические объекты района. МакЛэган понимал, что холмистая, изрезанная ущельями и хребтами и покрытая кустами и невысокими лесами местность создает трудности как десанту, так и его защитникам, поэтому успех его группы десанта зависел, в первую очередь, от точного и быстрого, организованного и согласованного действия всех сил.

Генерал Бриджес, который должен был с остальными соединениями 1-й австралийской дивизии последовать за МакЛэганом и организовать наступление на Мэйдос, приказал ему как можно быстрее занять третий от моря хребет, известный как Ган Ридж, где, по сообщениям разведки турки установили неизвестное количество артиллерии. Это был правильный приказ, если бы войска имели возможность организовать охват хребта, причем с юга этот охват можно было бы совершить, хоть и под огнем, но предельно быстро по пересеченной территории. Тем временем, пока равнинная группа отвлекала бы на себя внимание противника, вторая группа могла бы осуществить неожиданное нападение на Ган Ридж через прибрежные хребты – Болтон Ридж и Пайн Ридж. Несмотря на пессимизм командиров и возможные потери, идеи Бриджеса были вполне реализуемы, если бы все прошло по заранее намеченному плану...

Высадка первого эшелона производилась в два этапа. В 3.30 три транспорта высаживали на 48 лодках, которые вели 12 буксиров, партию в 1500 человек, по половине первых трех батальонов 3-й бригады. Через полчаса с 7 миноносцев осуществлялась посадка в лодки остальной части 3-й бригады. Каждая лодка вмещала примерно 35 человек. Транспорты под прикрытием темноты прошли к западному берегу Галлиполи. Здесь, в пяти милях от берега стоял на якоре дредноут «Триумф», который сигнализировал десанту в сторону от берега. На борту кораблей австралийцы совершили последние приготовления к предстоящей битве, подготовили и собрали амуницию. Общий вес снаряжения рядовых составлял около сорока килограммов и включал в себя 200 патронов, рассчитанных на три дня, три пустых мешка для песка, фляги с водой, паек. «Приказ был после высадки скинуть вещмешки и составить вместе поротно, чтобы можно было найти их после. Стрелять во время высадки запрещалось или разрешалось только по приказу командира, поэтому винтовки не были заряжены, чтобы не допустить случайного выстрела. Запрещались разговоры, и нам приказали примкнуть штыки», – вспоминал рядовой Фред Фокс [19, р. 111]. В целях обеспечения внезапности, десанту не предшествовала артиллерийская подготовка. Правда за двадцать минут до начала десанта корабли Флота должны были обстрелять турецкие артиллерийские укрепления на Габа Тепе, в качестве отвлекающего маневра.

Турецкая оборона в районе предполагаемой высадки состояла из 2-го батальона 27 полка 19-й дивизии, отдельные подразделения которого были распределены по значительной территории (примерно 5 км от Габа Тепе к массиву Сари Баир). Укрепления и траншеи были созданы на второй-третьей линии хребтов, где были подготовлены также несколько артиллерийских и пулеметных позиций. Самая сильная артиллерийская позиция находилась в районе Габа Тепе и была известна

командованию десанта. Основные силы 19-й дивизии находились на берегу Дарданелл, в районе Мейдос, откуда могли быть посланы в качестве подкреплений в любую часть полуострова Галлиполи. Патрулирование береговой линии от Габа Тепе до Булаира осуществляли части двух батальонов жандармерии. В целом, Лиман фон Сандерс полагал, что высадка в районе Габа Тепе маловероятна из-за сложного рельефа местности и отсутствия пространства для маневра и использования артиллерии кораблей.

В 2 часа ночи десантники первой партии погрузились в лодки, и пароходы на малом ходу двинулись к берегу, таща за собой каждый по четыре лодки.

Однако лодки прибыли вовсе не в назначенное место. Были ли причиной этому турецкий маневр с бумом, или течение, не учтенное моряками (а пароходы вели мичманы, некоторым из которых едва исполнилось пятнадцать лет), или оба фактора сыграли вместе, но в предрассветном тумане мыс Габа Тепе остался далеко на юге, а лодки пришли к берегу к северу от Адской скалы. Кроме того, произошла путаница в порядке десантных групп. 12 пароходов, каждый из которых вел в четырех лодках около 140 человек, не выдержали курс на берег. «В темноте шлюпки начали путаться, одни буксиры пересекали курс другим, рулевые паровых катеров теряли направление» [20, с. 379]. Батальоны десанта оказались разрознены и перемешаны, еще не высадившись на берег.

Старший морской офицер, впрочем, увидел ошибку молодых мичманов, однако то самое, что позволило увидеть, не позволило ошибку исправить: начался рассвет. Артиллерия кораблей стала производить обстрел в Габа Тепе, который, по идее, должен был скрыть шум от приближающейся высадки в Брайтон-бич. Но десант севернее и дальше намеченного был обнаружен турками визуально, когда последний находился в 40 метрах от берега.

На прибрежных скалах Ари Бурну патрулировали несколько отделений турецкой пехоты, осуществлявших наблюдение за береговой линией. В непосредственной близости оказалось еще несколько рот, в том числе те, которые Мустафа послал тренировать марши по хребтам и ущельям в район Сари Баир. Чуть дальше вглубь располагалась первая линия турецкой обороны: траншеи, пулеметные и орудийные гнезда на высотах хребтов, однако эту линию держало небольшое количество войск - второй батальон 27-го пехотного полка 9-й дивизии и несколько отделений других частей. Всего турок в районе высадки АНЗАК было от 500 до 1000 человек, распределенных по обширной территории. События первых минут высадки с турецкой стороны описал в 80-х годах прошлого века ветеран Адиль Сахин, тогда 16-летний призывник из близлежащей деревушки Бюйюк Анафорта. «Часовой разбудил нас и указал на воду внизу. Он сказал, что видит там тени на воде. Мы выглянули, стали приглядываться в полутьме, и тут же услышали плеск и разглядели лодки и солдат, сходящих на берег. Командир приказал нам стрелять. Несколько человек упало на берег, но я, но я не знаю, были ли они застрелены или просто легли, чтобы укрыться от пуль. Потом они стали перебегать к склону обрыва и карабкаться вверх. Нас было так мало, что мы стали отступать... Это было совершенно неожиданно для нас. Мы ничего не знали о вторжении, и мы

были очень напуганы... Да, я был очень напуган. Враги сошли на берег и стали лезть по обрыву вверх. Их было так много, и мы стали отступать к нашим траншеям, стреляя на ходу» [21, р. 63]. Здесь Адиль встретился с товарищами и они организовали отпор наступающим австралийцам. Турецкий ветеран не упомянул одну любопытную деталь. Австралийцы бросились к берегу с кличем «Имши Алла!» – фразой, которую они подхватили в свои беззаботные дни в Каире». Турецкие патрули отступали изрядно обескураженные поведением врага [12, с. 212]. Испуг Адила мог быть инспирирован еще одним обстоятельством: немецкие офицеры то ли в шутку, то ли с другим умыслом сообщили неграмотным турецким солдатам, что австралийцы и новозеландцы - каннибалы. Это изрядно повеселило Эллиса Силаса, который, будучи связным, присутствовал при допросах первых плененных турок [22].

Началась высадка под пока что слабым оружейным обстрелом. Но группа МакЛэгана сразу же оказалась разбита на две части мысом Ари Бурну (АНЗАК Коув), кроме того, были перемешаны все батальоны. На обоих участках за узкой полосой пляжа шел резкий подъем к территории, на которой располагались ущелья и хребты, холмы и высоты, сухие русла ручьев, овраги и редкие плато. Это было совсем не то, что предполагал план Бриджеса. Австралийцы и новозеландцы скинули багаж, и стали карабкаться по обрыву. Десант разбился на маленькие группы, и все подразделения сразу же перепутались. Более того, неприветливая и неожиданная местность привела к тому, что многие полевые командиры оказались вне связи со своими солдатами или с большей их частью. Ничего подобного не предполагалось, поэтому координация действий между отдельными группами карабкающихся солдат нарушилась, а мер, чтобы ее восстановить заранее продумано не было. Историк Трэверс пишет: «Необъяснимо, но в этой маневренной и скоростной битве система коммуникаций была отдана на откуп чистой импровизации» [13, р. 73].

В целом, высадка прошла быстро и довольно успешно. 15-летний мичман Эрик Буш писал, что несколько солдат были застрелены еще в воде, но большинство достигли берега целыми. До 6 часов утра 4000 анзаковцев высадились на берег. Второй эшелон тоже не встретил сильного сопротивления и еще 4000 новозеландцев десантировались к 8 часам утра. Английский журналист, высаживавшийся вместе с новозеландскими войсками, записал историю матроса одной из шлюпок, одежду которого трижды за день разрывала турецкая пуля, не оставив на теле ни одной царапины. «Каждый раз я вспоминал о своем маленьком невзрачном домике на Западе»: шутил матрос [23, р. 80].

Один из австралийцев, десантировавшийся в числе первых, вспоминал: «Мой батальон первым достиг берега, мы рассредоточились вдоль берега, примкнули штыки и стали карабкаться на холмы, окружавшие берег, на вершине которых укрепились турки. Парни все время кричали, и это, в самом деле заставило сердца турок дрогнуть, потому что, когда мы взобрались на холм, они выскочили из окопа и побежали врассыпную назад, как кролики... Отдохнув на вершине, мы собрали остатки войск и сделали попытку захватить следующую линию обороны турок, но

не очень удачно...» [24]. Как подсчитал журналист Эшмед-Бартлетт, первый турок принял своим телом австралийский штык в пять часов пять минут утра 25 апреля 1915 года [15, р. 47].

Все это происходило в пятидесяти метрах от берега. Обе бригады стали похожи на рассыпающийся из пакета горох. Холмы, ответвления хребтов, густые заросли кустарников совершенно разделили части соединений, солдат, офицеров, вспомогательные силы, связистов. Артиллерия запаздывала с высадкой. А небольшие группы турок, стрелявших сверху в анзаковцев, еще больше расплыли соединения десантников. Австралийцы старались рассредоточиться, чтобы не представлять своей массой удобную цель для турецких стрелков.

МакЛэган, тем не менее, попытался организовать наступление, однако уже через час турки стали прибывать отовсюду для отражения нападения. Их позиции, наверху хребтов и холмов, а также в створе небольших равнинных участков были очень сильны. АНЗАК стал нести потери. Возникли и локальные очаги паники. Так, подполковник Розенталь, командующий 3-й австралийской артиллерийской бригадой, встретил командира 9-го батальона, 3-й бригады, который сообщил, что его батальон практически выкошен. Розенталь пишет, что этот офицер «был в ужасном состоянии» [25, р. 43]. Были и курьезные случаи. Командир новозеландской бригады, которая высаживалась на берег спустя час после австралийцев, бригадный генерал Ф. Джонсон, как сообщалось, «временно выбыл из строя» до начала высадки. Из дальнейших туманных отчетов по этому делу становится понятно, что генерал был вдрабадан пьян, однако лишь глубокой ночью Джонсон был заменен другим офицером, начальником штаба Австралийско-Новозеландской дивизии Уолкером. Весь день бригада, действующая на левом фланге высадки, действовала «обезглавленной» [13, р. 71].

К шести часам утра АНЗАК овладел первой линией хребтов и в яростном штыковом бою согнав турок, занял плато, позже названное плато Плюгге, в честь полковника Э. Плюгге, командира Окленского батальона новозеландской бригады. Еще через час несколько отдельных отрядов австралийцев и новозеландцев заняли Плато 400.

Утром 25 апреля новозеландская пулеметная команда захватила удобную позицию в центре на второй линии высот по центру от пляжа. Вокруг этого пулеметного гнезда стала концентрироваться оборона всего десанта. 29 апреля этот пост был усилен капитаном Хью Куинном из 15-го австралийского батальона с 225 солдатами и офицерами. Это был знаменитый Куиннс пост, который стал одним из центром обороны АНЗАК на следующие полгода. Капитан Куинн был убит здесь 29 мая [17, р. 52–53].

К восьми утра АНЗАК превосходил противника по численности практически десятикратно. Но командиры ничего об этом не знали и предполагали наличие глубокой обороны, которую потребует взломать. На берегу началась выгрузка артиллерии, штабные бригадные офицеры нашли для нее несколько удобных позиций. На берег постоянно прибывали новые лодки с войсками.

Однако на переднем крае начинались серьезные проблемы. Прежде всего, отдельные отряды, совершившие захват важных позиций и точек, оставались без связи с остальными войсками. Кроме того, войска были рассредоточены по очень большой территории. В третьих, у солдат заканчивались боеприпасы, а надежды на их получение не было. Наконец, поскольку никто не знал, где останавливаться и начать окапываться, вскоре авангарды десанта пришли к передней линии турецкой обороны и стали нести большие потери без всякой надежды на получение подкрепления. Турецкие солдаты и их командиры, осознавшие за день, что в штыковом бою анзаковцы их превосходят по всем статьям, прекратили свои попытки силой сбить десант в море, но начали вести снайперский ружейный огонь везде, где это позволяли условия [18, р. 69]. А условия на хребтах Сари Баир это позволяли.

Штаб МакЛэгана, высадившийся на пляж, оказался в полной изоляции от своих наиболее оперативных и успешных соединений. Впереди была столь пересеченная местность, что визуальное наблюдение не могло установить линию наступления. Более того, встающее на востоке солнце препятствовало наблюдению за событиями и с кораблей. Очаги турецкой обороны наносили десанту ощутимые удары. Было ясно, что встречи с более крупными силами повлекут за собой совершенно непредсказуемые последствия. МакЛэган, грамотный тактик, понимая, что высадка произошла севернее намеченного участка, решил прорываться к линии первоначально намечаемой атаки – на юг, поэтому сосредоточил силы десанта на правом фланге. Это было вполне объяснимое решение. Командующие высоты, намеченные к занятию исходным планом, были, в основном, заняты АНЗАКом, оставались лишь внутренние хребты Сари Баира, которые не выглядели неприступными, особенно ввиду помощи морской артиллерии и организации поддержки артиллерией бригады. Сложнее было реорганизовать войска. Но и это была, казалось бы, выполнимая задача. Несмотря на потерю связи с командирами, австралийцы проявили себя как удивительно упорные, умелые и самоорганизующиеся солдаты. Там, где английский солдат остановился бы и стал ожидать приказа, австралийцы шли вперед, теснили врага, совершенно не думая о том, что их командир отсутствует. Хуже было с командирами. Так, в 3-й бригаде совершенно потерявшей связь между отдельными отрядами, большинство батальонных командиров совершенно растерялись. Как писал подполковник Мэлоне командир Веллингтонского батальона, «штабные офицеры бригады хороши, но полевые - не имеют никакой идеи, как организовать порядок, какими методами, и т.д. Они... пустили все на самотек, И так вся армия». Но хотя и не редки были случаи растерянности офицеров средних рангов, утраты ими самообладания, были и примеры чрезвычайно доблестного поведения и грамотного управления подразделениями. В 3-й бригаде, писал бригадный майор 3-й бригады, «ни один батальонный командир, кроме старика Вейра не принял на себя действительное управление своими войсками – а ведь именно от Вейра этого ждали менее всего» [13, р. 71].

Вейру удалось собрать практически весь свой батальон, как и все остальные, раздробленный в ходе высадки, и обеспечить круговую оборону пляжа Анзак Коув. Это стало одной из причин, почему ни одна из контратак турок не привела к решающему прорыву на пляж, на котором производились все основные десантные операции.

Часть батальона под командованием лейтенанта Н. Лютита организовала разведывательный рейд по левому флангу десанта. Дойдя до Плато 400, Лютит встретил бригадного майора Бранда, который приказал ему вытеснить группу турок с Плато и найти места расположения турецких орудий на дальних хребтах. Лютит прошел брошенный турецкий лагерь, достиг второго от моря хребта, но на третьем - Ган Ридж увидел значительные турецкие силы, которые осыпали наступающих градом оружейного и пулеметного огня. Лютит с двумя солдатами взобрался на высоту Скраби Нол, откуда смог увидеть в нескольких километрах на востоке сверкающие на утреннем солнце воды пролива Дарданеллы, которые им надо было освободить для Флота, но дальнейшее продвижение было невозможно из-за малочисленности отряда.

Около 8.30 Лютит отправил вестового за подкреплениями, но турки стали обходить отряд Лютита с фланга. Преследуемые превосходящими силами турок, Лютит и присоединившейся к нему лейтенант Дж. Хейг отступили к краю Плато 400. Два разведчика группы – Блэкберн и де Кетвилль Робин смогли на севере Ган Ридж перейти его, но, увидев сильно укрепленную линию турецкой обороны, вернулись. Это было самое далекое продвижение АНЗАК вглубь турецкой территории за все время кампании. Но развить успех 10-й батальон не смог.

В 8 часов стали высаживаться 1-я и 2-я бригады 1-й австралийской дивизии. И здесь случилось первая, по настоящему кровавая трагедия, вызванная ошибкой в месте десантирования.

Начало высадки второй и основной части десанта началось с парохода «Галека», который должен был высадить на берег 6-й и 7-й австралийские батальоны 2-й австралийской дивизии. «Галека», зная об утренней ошибке, решила высадить батальоны ближе к исходному рубежу на северной части залива Брайтон-бич. С моря было видно движение войск в районе высадки, и капитан решил, что это войска правого фланга утреннего десанта. «Галека» бросила якорь в 500 метрах от берега, войска были посажены в лодки и поплыли к берегу. Но на берегу были не новозеландцы Годли, а турецкий пост с готовыми к приему гостей стрелками. Согласно турецким данным, пост держали 90 человек, вооруженных винтовками. Турки подождали, когда лодки приблизятся к берегу на 100 с лишним метров, после чего шквальным огнем уничтожили первую лодку. Мичманы остальных попытались ускорить движение к берегу, однако, без особого успеха. Дело замедляла необходимость замены выбывших из строя гребцов. Лодки стали легкой мишенью для турецких стрелков, имевших возможность и перезарядить ружью, и прицелиться. В результате бойни, из 140 человек десантников в четырех первых лодках на берег сумели выбраться 40 человек. После ожесточенной перестрелки, на шум которой пришло новозеландское подкрепление справа, от отряда осталось

только восемнадцать. Остальные были убиты или ранены. Эта кровавая ошибка не могла сказаться на моральном состоянии десанта [25, р. 48].

Оставшаяся часть десанта с «Галеки» была вынуждена производить высадку на том же пляже, что и первый эшелон. Тем не менее, несмотря на нарастающий артиллерийский обстрел турок, большая часть второго эшелона была десантирована в срок и без существенных потерь.

В 9 часов утра МакЛэган, следуя своему решению прорываться к месту первоначально планируемого наступления, приказал командиру 2-й бригады МакКей вести свою бригаду на правый фланг. МакКей ответил, что первоначально ему было приказано держать левый фланг, и он не желает нарушать приказа Бриджеса. Он хотел лично подняться на передовую и взглянуть на картину продвижения десанта. Если бы он это сделал, то, скорее всего, его выводы не отличались бы от выводов его коллеги. МакЛэган ответил, что на это нет времени. Он был прав, прибытие турецких подкреплений с Габа Тепе или вдоль Ган Ридж можно было ожидать в любую минуту, и это было бы провалом исходного плана десанта. МакКей согласился. Но старый план уже был нарушен и нарушался с каждым часом все больше. И грянул гром!

На выручку отдельным соединениям своих 19-й и 9-й турецкой дивизий Мустафа Кемаль отправил, даже не уведомив об этом фон Сандерса, 57-й полк, который проинструктировал по дороге. «Я не приказываю вам идти вперед. Я приказываю вам умереть. За то время, что вы будете умирать, придут другие наши солдаты и офицеры», сказал солдатам Кемаль. Для европейца это звучит экстравагантно и, может быть, даже напыщенно. Но в турецкой армии издавна существовала практика, схожая по смыслу с японскими «камикадзе». Это были специально набираемые на особо опасные, часто смертельные задания храбрецы – серденгечти – в переводе, «рискующие головой». Эти люди получали повышенное денежное вознаграждение, а в случае гибели, славу и память, а их семьи обеспечивались из султанской казны. Серденгечти не мог стать любой желающий, но только воин, доказавший свою смелость и умение. Поэтому Кемаль оказал своим солдатам великую честь, одарив их возможностью покрыть славой себя и свои семьи всех поголовно. Если это и был со стороны Кемалья красивый жест, он был сделан вовремя и привел к требуемым результатам. Именно этим объясняется то ожесточение, которое проявили в бою солдаты 57-го полка.

Полк должен был пройти к главенствующим высотам слева от места высадки, куда АНЗАК не шел и не дошел. Заняв эти высоты, туркам было приказано атаковать левый фланг десанта. И именно в это время левый фланг был полностью обескровлен МакЛэганом [19, pp. 117–118]. Второй полк, 77-й должен был выступить южнее в минимально короткий срок. В арьергарде Кемаль оставил 72-й арабский полк, справедливо полагая, что урожденные турки будут с большим успехом защищать свою землю. Но и арабам Кемаль приказал быть готовым в любой момент выступить на передовую.

По большому счету, Кемаль не имел никакого права так распоряжаться с единственным резервом, находящимся на полуострове, «...положение турок стало

бы безнадежным, если бы союзники запланировали еще один десант в другом месте. Но только днем Кемаль поскакал назад в штаб корпуса» [12, с. 223], чтобы сообщить своему непосредственному начальнику, Эссаду-паше о своих действиях, да и то, когда тот сам его вызвал.

Мустафа Кемаль в воспоминаниях о Галлиполийской битве (по-турецки Анафарталар) пишет: «Я уже слышал, как артиллерия кораблей бомбардирует Габа Тепе, когда в 6.30 пришло донесение, что противник штурмует обрывы Ари Бурну. Мне посоветовали остановить врага силами одного батальона. Я предположил, что имею дело с основным десантом, и батальона будет недостаточно, чтобы остановить врага. Я выступил с 57-м полком, который был в полной готовности, и с батареей горной артиллерии. Этот полк достиг славы тем, что все его солдаты были в ходе битвы убиты. В направлении Койя Чемен Тепе (на английских картах, это главенствующая высота района, Высота 971) не было дорог, и мы шли по дикой земле. Мы овладели Высотой, высшей точкой полуострова. Однако Ари Бурну находился в мертвой зоне, и мы его не могли видеть... Я прошел к Чонк Байири (Чунук Баир) с полковым врачом, командиром батареи и моим лейтенантом (адъютантом). По дороге мы встретили группу солдат, бегущих к нам со стороны Высоты 261. Я остановил их и спросил, почему они бегут. «Господин, там враги!» закричали они и указали на небольшое подразделение солдат, шедших за ними на небольшом расстоянии. Представьте себе, противник был ближе ко мне, чем мои войска, которые я оставил позади. Я крикнул: «как можете вы бежать от врага?!» Они сказали, что расстреляли все патроны, и я ответил им: «Если у вас нет патронов, у вас остались штыки». Я приказал им примкнуть штыки и встретить врага лицом к лицу. Лейтенанту я приказал как можно быстрее привести войска. Это случилось в 10 часов утра...» [21, pp. 66-67]

Солдаты, штыковая атака которых спасла Кемалю жизнь, были из турецкой жандармерии, а не из регулярных войск. Увидев, что турки развернулись и теперь бегут в их сторону, австралийцы залегли, но и жандармы не стали искушать судьбу, тоже прижавшись к земле. Так враги провели некоторое время, за которое солдаты-федаи 57-го полка успели прибыть на место событий и яростной атакой отбросить анзаковцев назад [19, p. 118].

Основные события в центре на левом фланге высадки, частью которых и было прибытие Мустафы Кемалю с 57-м полком, развернулись вокруг попыток десанта овладеть первым важным ориентиром, высотой Баби 700 (высота ее примерно 180 метров, то есть, меньше 600 футов, что показывает «точность» британских карт). Этот холм, располагающийся сразу за получившим известность в августе плато Нек, доминировал над левым флангом и центром десанта и прикрывал самую высокую точку всего района Анафорта – Высоту 971. Стратегическое значение его было ясно всем, и за Баби 700 разгорелись самые героические схватки 25 апреля в районе АНЗАК. Турки называли этот участок Киликбайир.

Около 7 часов утра 25 апреля отдельные отряды 11-го и 12-го батальонов, к которым присоединились половина Кентерберийского батальона во главе с подполковником Стюартом и части Оклендского батальона достигли высоты, но

встретили здесь значительные силы турецкого 27-го полка, потерявшего в этот день троих из четырех ротных командиров. Но и Стюарт был убит, его люди стали отступать. Из-за неравномерности утреннего наступления часть отступавших австралийцев оказались на участке удерживаемой турками долины, где попали под жестокий огонь. Среди десантников появились первые пленные. В прилегающей высоте австралийцы наблюдали, как попал в плен Томас Бёрджесс из Оклендского батальона новозеландцев. Когда он, раненный, лежал в долине, несколько проходящих турецких солдат пинали и кололи его штыком, пока не подошел офицер и приказал санитарам вынести раненого с поля боя. По турецким источникам, рядовой Бёрджесс умер в госпитале Таш Кушла 25 сентября 1915 года и был похоронен на кладбище Хайдар Паша в Стамбуле [26, р. 145].

В дальнейших боях геройски проявил себя и пал смертью храбрых капитан Д. Лэлор командир одной из рот 12-го австралийского батальона. Капитан Джозеф Питер Лэлор, внук Питера Лэлора, руководителя вооруженного восстания на золотых приисках Виктории, мальчиком записался во флот, дезертировал, затем вступил во Французский Иностраннный легион, участвовал в революции в Мексике. В 1910 году он был принят в регулярные силы Австралии. Джозеф Лэлор всегда носил при себе фамильный меч в сверкающих ножнах.

Справа от Баби 700 капитан Эрик Таллэч, бывший мельбурнский пивовар, с 60 солдатами своего 11-го батальона в 9 часов обогнул Высоту 700 справа и поднялся на один из соседних холмов, Бэтлшип Хилл, откуда, как и Лэлор, смог видеть вдали воды Пролива, это было одно из самых значительных продвижений десанта в этот день, и вообще за всю кампанию. Дальше, на высоте Чунук Баир люди Таллэча видели турецкого офицера, который командовал боями в этом районе. Этим офицером мог быть и Кемаль, хотя, возможно, он прибыл и на полчаса-час позже. Огонь турок, особенно на левом фланге был очень сильным, а надежд на доставку патронов и подкрепления у Таллэча не было. Час с небольшим он вел встречный огонь, потом увидел, что турки полностью окружают Бэтлшип Хилл и был вынужден дать приказ об отступлении [17, р. 185].

В 9.30 часов утра Лэлор, потерявший связь с авангардом Таллэча, сделал еще одну попытку занять высоту Баби 700. Турецкий пулеметный расчет помешал это сделать, поэтому Лэлор начал собирать все силы, находящиеся поблизости, для организации нового наступления. К нему присоединились несколько рот только что высаженного 1-го батальона под командованием майора Блэра Сванелла, остатки роты самого Лэлора, собравшиеся вокруг командира, и части 9-го батальона майора Робертсона. Лэлор отправил отряд под командованием лейтенанта Айвора Маргеттса вперед, чтобы обогнуть Баби 700 с севера, однако авангард попал под яростный обстрел приведенного Кемалем 57-го полка и залег.

В центре наступления австралийцы вели ожесточенную перестрелку, в ходе которой майор Блэр Сванелл был убит. Но атака на высоту продолжалась. Майор Киндон, второй по старшинству офицер 1-го батальона и майор Гордон из 2-го из батальона организовали атаку с флангов. Но турки опрокинули оба фланга австралийцев. После полудня на левый фланг пришло подкрепление из роты

Вайтако Оклендского батальона новозеландцев. В 1.30 они обнаружили, что из роты Киндона осталось только четыре или пять целых бойцов. Раненый Киндон отказался покидать передовую. Спустя час, пулеметный расчет новозеландцев был установлен в 65 метрах позади, атака была прекращена, и вскоре на укрепленную линию прибыл Кентерберийский батальон майора Гранта. Он и удерживал эту линию, несмотря на смерть своего командира.

На этом фланге турки почти полностью окружили наступающих анзаковцев. Майор Робертсон из 9-го батальона, трижды раненый, был убит, пытаясь определить, откуда идет турецкий огонь. «Давай, Ригби», – сказал он перед смертью лейтенанту Ригби. Ригби удержал позицию, но тоже был убит, после чего остатки левого фланга наступления на Баби 700 отступили. При этом, был убит выстрелом в голову майор Гордон, в тот самый миг, когда он обращался к своим солдатам.

Спустя три часа после начала авангардного боя, лейтенант Маргеттс потерял убитыми и ранеными всех, кроме десяти человек, и отступил. Лэлор дал лейтенанту выпить несколько глотков виски и приказал снова идти в атаку, усилив его людьми. Однако увидев, что Маргеттс близок к полному нервному истощению, решил сам вести людей вперед. Маргеттс отказался, поскольку он был единственным офицером, который знал местность впереди. Турецкий огонь усиливался, и австралийцы снова были вынуждены залечь. В 15.15 Лэлор приказал выжившим отойти и послал Маргеттса в штаб-квартиру новозеландцев за подкреплениями. В это время к нему подошли люди капитана Моршеда из 2-го батальона. Капитан Лэлор, потерявший в пылу битвы фамильный меч, встал во весь рост и закричал: «12-й батальон – вперед!» и был тотчас же убит несколькими выстрелами в упор.

В результате, все пять атак на высоту Баби 700 оказались безуспешными. В 4 вечера турки предприняли контратаку, заставив все авангардные отряды анзаковцев отступить к линии Нек – Монаш Галли.

Лейтенант Маргеттс, несколько часов осуществлявший авангардные бои за высоту Баби 700, выжил в этот день, продолжая оставаться на передовой. 27 апреля товарищи обнаружили его, спящим, стоя в траншее с револьвером в руках и головой, упавшей на руку. Он был убит в звании капитана 23 июля 1916 года во Франции [17, pp. 180–183].

К полудню 25 апреля на участке АНЗАК обе армии истощились физически и морально. Обеим требовалось подкрепление, поскольку ни одна не решила своих задач: АНЗАК не смог захватить ключевые хребты и высоты и выступить для соединения с английским десантом на южной оконечности полуострова; турки не смогли сбить десант обратно в море и заставить союзное командование прекратить высадку подкреплений. Наметились очертания будущего многомесячного противостояния Осси, Киви и Джонни Турка (как называли солдат противника анзаковцы), когда «антиподы» удерживают прибрежную часть участка, а турки – сохраняют за собой всю остальную территорию.

Список использованных источников и литературы

1. Михайлов В.В. Галлиполи 1915 г.: могила русской мечты и британских солдат. СПб.: Изд-во «Нестор», 2010. 268 с.
Mikhailov V.V. Gallipoli 1915 g.: mogila russkoi mechty i britanskikh soldat. SPb.: Izd-vo «Nestor», 2010. 268 s.
2. Higgins T. Winston Churchill and the Dardanells. NY: Macmillan Company, 1963. XI+308 p.
3. Dardanell Comission. Final Report. Part I. London: Parliament Papers, 1917. 90 p.
4. Dardanell Comission. Final Report. Part II. London: Parliament Papers, 1917. 96 p.
5. Михайлов В.В. Борьба России и Британии против Османской империи и германо-турецкого влияния на Ближнем Востоке в годы первой мировой войны.: дисс... канд.ист.наук. СПб., 2003.
Mikhailov V.V. Bor'ba Rossii i Britanii protiv Osmanskoi imperii i germano-turetskogo vliianiia na Blizhnem Vostoke v gody pervoi mirovoi voiny.: diss... kand.ist.nauk. SPb., 2003.
6. Public Record Office. Cabinet Office (PRO CO). B. 19/33, f. 1569. Ch. Ryan evidence to Dardanelles Commission 22 February 1917.
7. Robertson J. Anzak and Empire: The Tragedy and Glory of Gallipoli. London-Melbourne-Auckland: Leo Cooper, 1990.318 p.
8. Australia War Memorial (AWM). Canberra. Collection. DRL 6418. H.G. Carter diary, 11 April 1915.
9. AWM. Collection. DRL 41. Lt-Col. John Corbin diary, 17 April 1915.
10. AWM. Collection. DRL 566. Pte Ellis Silas diary, 10 March 1915.
11. AWM. Correspondence. Item 1. Blamey to mother, 21 April 1915.
12. Мурхед А. Борьба за Дарданеллы: Решающее сражение между Турцией и Антантой. М.: Центрполиграф, 2004.383 с.
Murkhed A. Bor'ba za Dardanelly: Reshaiushchee srazhenie mezhdou Turtsiei i Antantoi. M.: Tsentrpoligraf, 2004. 383 s.
13. Travers T. Gallipoli. L.: Tempus, 2001. 287 p.
14. Hamilton I. Sir. Gallipoli Diary. V. 1. L.: Edward Arnold, 1920. 736 p.
15. Ashmead-Bartlett E. The Uncensored Dardanelles. L.: Hutchinson & Co., [1928]. 286 p.
16. Last letter of a Turkish martyr killed in the Gallipollian War, transl. Erkan Turkmen // Gallipolian, 1966, Winter. P. 6.
17. Holt P., Holt V. Gallipoli. Battlefield Guide. L.: Pen & Sword, 1999.256 p.
18. Adcock J. Australasia Triumphant. L.: Simkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co, 1916.144 p.
19. Hickey M. Gallipoli. L.: John Murray, 1995. 363 p.
20. Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну. Т. II. М.-Л.: Воениздат, 1929. 389 с.
Korbett Iu. Operatsii angliiskogo flota v mirovuiu voinu. T. II. M.-L.: Voemizdat, 1929.389 s.
21. Basarin V., Basarin Y., Fewster K. Gallipoli: The Turkish Story. Crows Nest, New South Wales: Allen & Unwin. 2003. 184 p.
22. Silas Ellis. Crusading at Anzac. A.D. 1915 // [Электронный источник]: URL: http://www.anzacsite.gov.au/landing/s_intro.html Дата обращения 10.12. 2014.
23. М.П. [Herbert A.]. Mons, Anzac and Kut. L.: Edward Arnold, 1919. 270 p.
24. Imperial War Memorial (IWM). London. Miscellaneous. File. 309.
25. Laffin J. Damn the Dardanelles. Sydney: Doubleday, 1980. 224 p.
26. Chambers S.J. Anzac. The Landing. L.: Pen & Sword, 2008. 208 p.

Mikhailov V. V. How the Anzac legend was created: morning of april 25, 1915

The article is devoted to the study of the first combat operations of the Australian-new Zealand army corps. It shows measures to ensure the surprise of the landing, a diversionary maneuver of the fleet in Saros Bay, the landing of three echelons of troops on the morning of April 25, 1915, on the beaches of Anzac Cove and North beach, the reasons for the rapid success and subsequent failures of the paratroopers. The reasons for the weak interaction of the landing units, the lack of artillery support, delays in the landing of the third echelon and the arrival of reinforcements to the front areas of the advance of troops are analyzed. It also shows the

actions of the Turkish officer responsible for the defense of the Anzac landing site – Colonel Mustafa Kemal, who showed determination and did not allow the defenders of Gallipoli to retreat under the blows of superior forces of Australian and new Zealand troops. The article uses archival materials from the Australian War Memorial and British archives, diary entries and letters from Australians and new Zealanders, Russian and foreign research on the initial stage of the Gallipoli operation.

Keywords: Australian Imperial Force (AIF), Australian and new Zealand army corps (ANZAC), world war I, Gallipoli operation, Mustafa Kemal, Australian War memorial, ANZAC Day.